

Псковский регионологический журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 2 (42) Том . 2020

«Миграционная детерминанта» и пространственные особенности формирования диаспор ведущих этносов Центральной Азии в современной России

Дружинин Александр Георгиевич

Южный федеральный университет

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Институт географии РАН

Российская Федерация, Ростов-на-Дону; Российская Федерация, Калининград;

Российская Федерация, Москва

Аннотация

В современной России вопросы устойчивой демографической динамики особым образом актуализированы. Ключевое место в их числе занимает проблематика миграций, включая и такие её приоритетные аспекты, как анализ важнейших факторов и направлений миграционных потоков, их этническая структура, а также воздействие миграции на этнодемографические и этнокультурные изменения в российских регионах. Весь постсоветский период подавляющую часть миграционного прироста населения России обеспечивали государства Центральной Азии. Этот процесс уже с середины 2000-х гг. сопровождается укоренением, ростом локализованных на территории Российской Федерации диаспор ведущих центрально-азиатских этносов: в первую очередь представителей узбекской, киргизской и таджикской национальности. В статье акцентированы геоэкономические факторы иммиграции в Россию, проанализирована её динамика, идентифицирована «центрально-азиатская составляющая». Особое внимание уделено выявлению (с опорой на данные всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.) пространственных особенностей формирования диаспор народов Центральной Азии (с максимальной детализацией для наиболее многочисленной этнической общности Центрально-Азиатского макрорегиона — узбекского этноса). Показано, что на фоне практически повсеместного роста численности узбекской диаспоры наибольшую

привлекательность для иммигрантов демонстрируют экономически высокоразвитые территории — столичные регионы и их ближайшая периферия, а также Ханты-Мансийский АО, Новосибирская область, Приморский край и др.

Ключевые слова: этническая миграция, этнические диаспоры, демографическая динамика, этнодемографическая структура, регионы, Россия, постсоветский период, Центральная Азия, Большая Евразия

Дата публикации: 17.06.2020

Источник финансирования:

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

Ссылка для цитирования:

Дружинин А. Г. «Миграционная детерминанта» и пространственные особенности формирования диаспор ведущих этносов Центральной Азии в современной России // Псковский регионологический журнал – 2020. – Выпуск 2 (42) С. 42-54 [Электронный ресурс]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310008579-9-1> (дата обращения: 03.07.2024). DOI: 10.37490/S221979310008579-9

¹ **Введение.** Присущие современному евразийскому пространству интеграционные процессы (в последнее пятилетие всё чаще идентифицируемые как формирование «Большой Евразии» [1; 3; 9; 12; 26]) имеют в том числе и чётко выраженную, устойчивую миграционную составляющую. В динамичном, разноликом, фрагментированном и, одновременно, взаимозависимом мире (характеризуемом рельефными территориальными социально-экономическими диспропорциями и контрастами) значимость многоаспектных миграций — существенна для всех без исключения постсоветских государств, включая и Россию — страну, чья экономика-демографическая динамика ныне пребывает в высокой степени зависимости от притока мигрантов извне. Если полностью исключить из расчёта «фактор миграции» (а ориентироваться лишь на данные Росстата о динамике естественного прироста/убыли населения), то в Российской Федерации к настоящему времени (без данных по Крыму) по оценке автора насчитывалось бы лишь чуть более 138 млн чел. постоянного населения, т. е. 93,6 % от соответствующего показателя 1989 г. За почти тридцатилетний период положительное сальдо миграции обеспечило стране, в итоге, дополнительно почти 7 млн её жителей. В перспективе (по мнению ведущих российских экспертов [4]) избежать притока в Россию крупных масс мигрантов практически не удастся. Как не без основания подчёркивает Ж. А. Зайончковская — «Без миграции у России нет будущего. Она стала стратегическим фактором развития страны» [10, с. 18]. Подавляющую часть миграционного потока, при этом, генерируют государства СНГ, причём наиболее весомой в структуре иммиграции в Россию в последние годы является именно её центрально-азиатская составляющая, оказывающая непосредственное влияние на формирование как этнических диаспор, так и в

целом на этнодемографическую, этнокультурную динамику в пределах практически всего российского пространства.

2 **Целью исследования** является выявление масштаба и приоритетных векторов безвозвратной миграции населения центральноазиатских государств в Российскую Федерацию, идентификация и типологизация основных российских территорий, «принимающих» поток иноэтнических мигрантов, анализ динамики и особенностей формирования диаспор народов Центральной Азии в регионально стратифицированном пространстве России (с приоритетным вниманием к локализации наиболее многочисленной этнической общности Центрально-Азиатского макрорегиона — узбекского этноса).

3 **Исходные предпосылки.** Концептуально и методологически данное исследование базируется на фундаментальных научно-теоретических и информационно-аналитических работах в области геодемографии и этногеографии современной России [23], исследованиях присущих стране (и в целом постсоветскому пространству) миграционных процессов [4; 20], оценках воздействия «фактора миграции» на демографическую динамику в Российской Федерации [5] и соответствующие трансформации её этнокультурного пространства [8; 15; 21].

4 Существенное внимание в научной литературе в последнее время уделяется и изучению миграционных потоков, сложившихся в постсоветский период между Россией и центрально-азиатскими государствами [13]. Имеют место попытки выявить особенности локализации иноэтнических мигрантов (в т. ч. из государств Центральной Азии [18]) в субъектах Российской Федерации. Саму же Центральную Азию (чьи географические контуры до сих пор и в научном, и в массовом дискурсе продолжают оставаться дискуссионными, «размытыми» [7; 11; 17]), при этом, всё чаще воспринимают в качестве особого самостоятельного макрорегиона (объединяющего Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), обретающего в XXI столетии ключевые позиции [14, 27–31] в евразийской геоэкономике и геополитике. Трансграничные миграции рассматриваются [9], в этой связи, не только как реально «работающий» механизм придания данной территории (симптоматично инкорпорированной З. Бжезинским в структуру «евразийских Балкан»[2]) большей экономической и социально-политической стабильности, но и один из приоритетных аспектов евразийской интеграции.

5 Предлагаемые в статье авторские выводы и аналитика основываются на информационных ресурсах Росстата, включая данные Всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. Иллюстрируя лишь «верхушку айсберга» этнодемографических метаморфоз страны, соответствующая статистика позволяет, тем не менее, достаточно корректно отразить пространственные аспекты развития этнических диаспор, в т. ч. и крупнейших этносов Центральной Азии. Особый акцент при этом сознательно сделан на выявлении особенностей локализации на территории России представителей узбекского этноса (на его долю приходится не только 84 % населения Республики Узбекистан, но почти 40 % демографического потенциала всего Центрально-Азиатского макрорегиона) и

идентификации, на этой основе, регионов Российской Федерации, характеризующихся наиболее интенсивной этнодемографической динамикой.

6 **Результаты исследования.** В устойчиво «подпитываемом» демографический ресурс постсоветской России миграционном потоке (генерируемым преимущественно сопредельными новыми независимыми государствами — бывшими союзными республиками) можно чётко различить два основополагающих тренда, две их детерминанты. Первая (сопряжённая с разрушением СССР, с новыми геополитическими и геоэтнокультурными реалиями) проявилась в массовом исходе вынужденных переселенцев и беженцев, а также в «возвращении» на территорию России (более неспешном, пролонгированном, до сих пор до конца не исчерпавшем своего потенциала) русского (и русскоязычного) населения, с 1991 г. оказавшегося локализованным вне её современных политико-географических рубежей. «Пик» данной миграционной волны пришёлся на 1990-е гг. (сальдо миграции в тот период демонстрировал свои наивысшие значения — рис.); его «центрально-азиатская компонента» превалировала (достигая 70 % всего положительного сальдо миграции Российской Федерации со странами СНГ), но (как справедливо подмечают [25]) лишь отчасти обеспечивалась собственно центрально-азиатскими этносами.

7

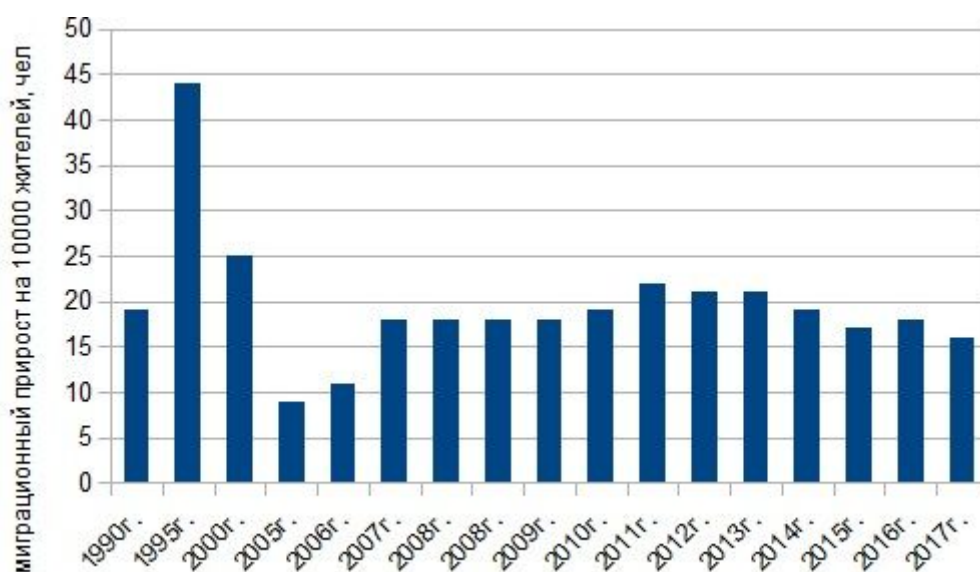

Рис. Динамика миграционного прироста населения России за постсоветский период (чел. на 10000 жителей)

8 Вторая «волна» иммиграции в Россию имела уже преимущественно геоэкономическую причинность и чётко проявилась с середины 2000-х гг. в условиях резко возросшей социально-экономической диспропорции между нашей страной (Казахстаном а также, отчасти, Туркменистаном), с одной стороны, и Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном — с другой. Разноскоростная динамика постсоветских государств и вопиющая «неравновесность» их экономик (включая и такой основополагающий показатель, как ВВП по официальному обменному курсу — табл. 1) инициировала нарастающий (вплоть до 2011 г.)

миграционный поток, чью основу составили именно ведущие этносы Центральной Азии.

⁹ *Таблица 1* Соотношение душевого ВВП России и государств Центральной Азии (по официальному обменному курсу); Россия = 100*

	1992	1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018
Россия	100	100	100	100	100	100	100	100
Казахстан	49	48	69	71	85	113	84	83
Узбекистан	19	22	31	10	13	28	17	14
Киргизстан	17	14	16	9	8	12	12	11
Таджикистан	11	8	8	6	7	10	7	7
Туркменистан	27	22	36	32	42	69	61	62

* составлено автором по данным Всемирного банка

¹⁰ Меняющаяся геоэкономическая реальность и иссякающая инерция постсоветского геополитически (геоэтнокультурно) мотивированного межстранового безвозвратного перемещения населения — существенно корректировали миграционные потоки. Если в 2000 г. на пятёрку центрально-азиатских государств приходилось 70,9 % всего положительного сальдо миграции Российской Федерации со странами СНГ, то в 2006 г. — 64,8 %, 2013 г. — 59,9 %, 2017 г. — 54,9 %. При этом, если в 2000 г. 61 % всего миграционного прироста (со стороны стран Центральной Азии) обеспечивал Казахстан, то к 2013 г. доля этой страны сократилась до 24 % при одновременном росте «вклада» в миграционный прирост Узбекистана (41 %) и Таджикистана (20 %). К 2017 г. (в условиях присущего Республике Узбекистан опережающего экономического роста) на лидирующие позиции (по сальдо миграции России с государствами Центральной Азии) выходит Таджикистан (31 %), а удельный вес Узбекистана снижается до 20 % (табл. 2).

¹¹ *Таблица 2* «Вклад» центрально-азиатских государств в миграционный прирост (сальдо миграции) населения Российской Федерации*

	2000 г.	2006 г.	2013 г.	2017 г.	
Нетто-миграция в РФ всего, чел.	213610	132319	295859	211878	
Нетто-миграция со странами СНГ, в т. ч.:	Чел.	246051	136182	274885	203434
	%	100	100	100	100
Казахстан	Чел.	106990	26658	40156	32736
	%	43,4	20,0	14,6	16,1
Киргизия	Чел.	13679	15064	19812	19355
	%	5,6	11,1	7,2	9,5
Таджикистан	Чел.	9885	6099	33649	34639
	%	4,0	4,5	12,2	17,0
Туркмения	Чел.	6062	3977	3821	2873
	%	2,5	2,9	1,4	1,4
Узбекистан	Чел.	37724	36478	67266	22167

	%	15,3	26,8	24,5	10,9
--	---	------	------	------	------

* составлено автором по данным Росстата

¹² На фоне трендового (акцентируемого российскими демографами [6]) снижения притока мигрантов в Россию (за 2013–2017 гг. показатель нетто-миграции в РФ сократился практически на 30 %) — уменьшается (столь же интенсивно) и демографическая «подпитка» нашей страны со стороны Центральной Азии (если в 2013 г. сальдо миграции между РФ и Центрально-Азиатским регионом достигало 165 тыс. чел., то к 2017 г. — лишь 112 тыс.). В своей основе это уже преимущественно экономически мотивированная, ориентированная на широко укоренённый ныне формат «отходничества» (организации человеческой жизнедеятельности «между домом и... домом» [16]) трансграничная система возвратной миграции, в которую оказались в полной мере вовлечены представители узбекского, киргизского и таджикского этносов.

¹³ Именно благодаря пространственным социально-экономическим и демографическим градиентам, а также порождённому ими «отходничеству» — сложившийся между странами Центральной Азии и Российской Федерацией «миграционный коридор» является в последнее время одним из самых крупных и устойчивых в Евразии и мире; согласно оценкам [19], его возможностями регулярно пользуются от 2,7 до 4,2 млн чел., т. е. от 10 до 16 % экономически активного населения всей Центральной Азии. Своих наивысших объёмов трудовая миграция достигла, безусловно, в «предкризисные» 2011–2013 гг., когда на территории РФ только на официальных основаниях находилось 2,2 млн трудовых мигрантов (в т. ч. 1,07 млн — из Узбекистана [24]); масштаб же нелегальной трудовой миграции оценивался в 10 млн чел. [20]. И именно с середины 2000-х гг., корреспондируя с потоком трансграничной трудовой миграции, наблюдается (фиксируемая, в частности, Всероссийскими переписями населения) последовательная и весьма существенная тенденция локализации в регионах России представителей центрально-азиатских этносов: если в 1989 г. свою принадлежность к ним декларировали 331 тыс. чел., а в 2002 г. — 339 тыс., то в 2010 г. — уже 695 тыс. (табл. 3).

¹⁴ *Таблица 3* Удельный вес представителей ведущих этносов государств Центральной Азии в населении Российской Федерации*

	1989 г.	2002 г.	2010 г.	Динамика численности за 2002–2010 гг., раз			
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	
Всё население РФ	147021	100,00	145166	100,00	142856	100,00	0,98
Казахи	64	0,044	65	0,045	65	0,046	1,00
Киргизы	42	0,029	31	0,021	103	0,072	3,32
Таджики	38	0,026	120	0,082	200	0,140	1,67
Туркмены	40	0,027	33	0,023	37	0,026	1,12
Узбеки	127	0,086	123	0,085	290	0,203	2,36
Все пять центрально-азиатских этносов	311	0,212	339	0,234	695	0,487	2,05

* составлено автором по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

¹⁵ Межпереписной период 2002–2010 гг. явил, таким образом, реальное и достаточно ощутимое изменение ранее сложившихся в стране межэтнических пропорций; почти 48 % прироста численности представителей пяти ведущих центрально-азиатских этносов пришлось, при этом, непосредственно на лиц узбекской национальности.

¹⁶ Как свидетельствует этнодемографическая статистика, узбекская диаспора, с одной стороны, локализована во всех без исключения регионах России, а с другой — характеризуется приоритетной концентрацией в пределах весьма ограниченного числа субъектов Федерации.

¹⁷ Уже к началу 2000-х гг. (что чётко отразила перепись 2002 г.) наиболее крупные контингенты представителей узбекского этноса имели место:

– в столичных и других наиболее развитых в социально-экономическом отношении территориях: Москве (почти 20 % всей узбекской диаспоры в России), Самарской области (4,4 %), Ханты-Мансийском АО (4,2 %), Татарстане (3,9 %), Свердловской области (3,1 %), С.-Петербурге (2,4 %);

– в ряде порубежных с Центральной Азией российских регионах (Республика Башкортостан, Оренбургская, Челябинская, Кемеровская, Новосибирская области, Алтайский край), а также на некоторых территориях Юга России (Волгоградская и Ростовская области, Краснодарский край).

¹⁸ Повышенным удельным весом в этнической структуре населения лиц узбекской национальности отличались, при этом, такие субъекты Российской Федерации, как Ханты-Мансийский АО (3,62 промилле), Москва (2,33 промилле), Ямало-Ненецкий АО (1,93), Самарская область (1,68), республики Башкортостан (1,28) и Татарстан (1,26). Несколько более высоким (по сравнению с подавляющей частью регионов Европейской части страны) «фоном» присутствия представителей узбекской диаспоры характеризовались также территории Сибири и Дальнего Востока. В целом же, в 2002 г. на первую десятку регионов с численно наиболее весомой «узбекской составляющей» в населении пришлось почти 48 % всего зафиксированного переписью постоянно проживающих в России узбеков.

¹⁹ Согласно переписи 2010 г. степень территориальной концентрации узбекской диаспоры в России усилилась (почти 52 % её общей численности пришлось на первую десятку регионов страны), что, кстати, полностью соответствовало общим тенденциям реструктурирования российского пространства. Наиболее существенный (почти семикратный) прирост численности представителей узбекского этноса имел при этом место в Московской области (обеспечившей 13 % всего прироста численности узбекского этноса в РФ за 2002–2010 гг.), а также в С.-Петербурге (10,5 % от всего прироста по стране) и в Новосибирской области (шестикратный рост диаспоры и 6,4 % всего показателя её прироста по России за межпереписной период). Опережающими темпами прирастала численность представителей узбекской диаспоры также в Приморском крае, Ленинградской области. Уместно обратить внимание и на интенсивный численный рост диаспоры в некоторых сопредельных с Москвой и Московской областью регионах: Калужской, Владимирской, Тверской, Рязанской и Тульской

областях. Практически повсеместный (за исключением Чеченской Республики и Еврейской АО) рост диаспоры, в итоге, продемонстрировал свою выраженную пространственную неравномерность (табл. 4), «центроориентированность», превалирование экономических мотивов миграции.

20 *Таблица 4* Типологическая группировка регионов России по «присутствию» в них узбекской этнической диаспоры и её динамике за 2002–2010 гг.*

<i>Численность диаспоры</i>	<i>Наиболее крупные (более 10 тыс. чел.)</i>		Москва (3,09)**	Самарская область (3,51)	Московская обл. (3,63); С.-Петербург (4,17); Новосибирская обл. (4,76)
	<i>Достаточно крупные (5–10 тыс. чел.)</i>		Респ. Башкортостан (1,95); Респ. Татарстан (2,34); Ханты-Мансийский АО (6,51)	Волгоградская обл. (2,66); Свердловская обл. (2,18); Челябинская обл. (1,85); Красноярский край (2,28)	Ленинградская обл. (3,91); Приморский край (4,6)
	<i>Средние (2–5 тыс. чел.)</i>	Ростовская обл. (0,64); Саратовская обл. (1,15)	Краснодарский край (0,66); Оренбургская обл. (2,44); Тюменская обл. (2,24)	Астраханская обл. (2,63); Ставропольский край (0,93); Пермский край (1,60); Омская обл. (1,42); Томская обл. (1,98); Респ. Саха (3,48); Хабаровский край (2,39)	Владимирская обл. (2,28); Калужская обл. (3,45); Рязанская обл. (2,84); Тверская обл. (2,42); Тульская обл. (2,10); Калининградская обл. (2,39); Нижегородская обл. (1,06)
	<i>Малочисленные (менее 2 тыс. чел.)</i>	Курская обл. (0,61); Респ. Коми (1,04); Респ. Калмыкия (0,73); Респ. Северная Осетия (0,70); Чеченская респ. (0,06); Респ. Мордовия (0,70); Удмуртская респ. (0,70); Кировская обл. (0,51); Ульяновская обл. (1,12); Алтайский край (1,14); Кемеровская обл. (1,54); Еврейская АО (0,77)	Белгородская обл. (0,82); Ивановская обл. (1,32); Костромская обл. (0,77); Орловская обл. (0,72); Тамбовская обл. (0,70); Респ. Карелия (0,86); Архангельская обл. (0,28); Новгородская обл. (1,67); Респ. Адыгея (0,74); Респ. Дагестан (0,14); Кабардино-Балкарская респ. (0,53); Карачаево-Черкесская респ. (0,83); Респ. Марий Эл (0,79); Чувашская респ. (0,45);	Липецкая обл. (1,44); Смоленская обл. (1,29); Ярославская (1,10); Вологодская обл. (1,04); Мурманская обл. (1,41); Псковская обл. (1,10); Пензенская обл. (1,38); Респ. Бурятия (1,30); Забайкальский край (1,37); Иркутская обл. (1,79); Камчатский край (2,01); Магаданская обл. (3,39); Чукотский АО (1,55)	Брянская обл. (1,01); Воронежская (0,80); Ненецкий АО (2,80); Респ. Ингушетия (0,06); Сахалинская обл. (3,05)

			Курганская обл. (0,59); Ямало-Ненецкий АО (3,40); Респ. Алтай (1,27); Респ. Тыва (0,82); Респ. Хакасия (2,44); Амурская обл. (1,35)		
		<i>Незначительный рост или сокращение численности</i>	<i>Умеренный рост (в 1,5–2 раза)</i>	<i>Средний рост численности (в 2–3 раза)</i>	<i>Наиболее интенсивный рост (в 3 раза и более)</i>
		<i>Динамика диаспоры</i>			

*составлено автором по данным переписей населения 2002 и 2010 гг. (типологическая группировка не включает регионы Крыма) ** (...) доля представителей узбекского этноса в населении региона согласно переписи 2010 г., в промилле

²¹ Численное наращивание диаспоры сопровождалось и соответствующим ростом «узбекской составляющей» в этнической структуре населения регионов России. Так, если в среднем по стране удельный вес представителей узбекского этноса за 2002–2010 г. увеличился с 0,85 до 2,03 промилле, то в С.-Петербурге к 2010 г. он достиг 4,17 промилле, в Москве — 3,63, в Новосибирской области — 4,76, Приморском крае — 4,60, а в Хаты-Мансийском АО — 6,51 промилле. В целом аналогичный процесс оказался характерен и для других активно вовлечённых в трансграничные миграции этносов Центральной Азии — таджиков и киргизов (табл. 5).

²² *Таблица 5 «Присутствие» некоторых ведущих центрально-азиатских этносов в населении наиболее привлекательных для иноэтнической миграции субъектов Российской Федерации**

регионы	этносы	1989 г.	2002 г.	2010 г.			
		Чел.	Доля в населении, промилле	Чел.	Доля в населении, промилле	Чел.	Доля в населении, промилле
Москва	киргизы	3044	0,34	4102	0,40	18736	1,63
	таджики	2893	0,33	35385	3,41	27280	2,37
	узбеки	9183	1,03	24213	2,33	35595	3,09
Московская область	киргизы	2015	0,30	592	0,09	4913	0,69
	таджики	1401	0,21	3404	0,51	15549	2,19
	узбеки	4321	0,65	4183	0,63	25773	3,63
С.-Петербург	киргизы	2763	0,55	566	0,12	3289	0,67
	таджики	1917	0,38	2449	0,53	12072	2,47
	узбеки	7927	1,58	2987	0,64	20345	4,17

Новосибирская область	киргизы	1149	0,41	1423	0,53	6506	2,44
	таджики	714	0,26	2784	1,03	10054	3,77
	узбеки	2179	0,78	2047	0,76	12655	4,76

* составлено автором по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

²³ Ориентируясь на наметившийся этнодемографический тренд, а также учитывая, что в 2011–2019 гг. среднегодовая интенсивность миграционного прироста в России оказалась даже несколько выше, чем в охарактеризованный ранее межпереписной период 2002–2010 гг. (19,1 и 14,1 чел. на 10000 жителей соответственно), уместно полагать, что предстоящая в 2020 г. очередная Всероссийская перепись населения зафиксирует дальнейший рост как численности центрально-азиатских диаспор, так и их удельного веса в населении регионов России.

²⁴ Высока вероятность, в частности, что в Москве доля представителей узбекского этноса достигнет не менее 4 промилле, а в Московской области — 7–8 промилле. Весьма возможно, что предстоящая перепись «покажет» и аналогичный уровень (7–7,5 промилле) «узбекской составляющей» в населении Ленинградской области, а также самого С.-Петербурга. В Новосибирской области и Приморском крае этот показатель может оказаться ещё выше (8–9 промилле), а в Ханты-Мансийском АО — даже несколько выйти за пределы 1 % от всего демографического потенциала региона. На этом фоне общий «рисунок» пространственной локализации диаспоры в целом сохранится, и далее «сгущаясь» вокруг двух ведущих столиц, несколько перераспределяясь в пользу крупных, экономически благополучных региональных центров¹, а также (в логике «разворота на восток») некоторых территорий Тихоокеанской России и Сибири. Учёт динамики киргизской и таджикской диаспор (также прирастающих в регионах России благодаря «фактору миграций») даёт основание удвоить указанные выше прогнозно-оценочные величины.

²⁵ **Заключение.** Этнодемографические, этнокультурные вызовы, на которые придётся отвечать России в XXI столетии — чрезвычайно остры и роль фактора иноэтнической миграции (сопровождаемой локализацией соответствующих диаспор) в данном контексте — существенна. И демографически, и экономически Российская Федерация в перспективе, вне всякого сомнения, сохранит свою сложившуюся в постсоветский период зависимость от «фактора миграции»; центрально-азиатский вектор притока в нашу страну демографического ресурса, при этом, в течение по крайней мере ближайших четырёх-пяти десятилетий — продолжит оставаться наиважнейшим, превращая соответствующие крупнейшие этносы (в особой мере — узбекский) в неотъемлемую, значимую составляющую этнодемографической, этнокультурной палитры России. Сама же трансграничная миграция и, соответственно, порождённые, «подпитываемые» ею этнические диаспоры — сохранят (и укрепят!) своё значение базовой «скрепы» в стратегическом взаимодействии между Россией и государствами Центральной Азии, станут одним из «кирпичиков» выстраивания архитектуры «Большой Евразии».

Примечания:

1. Прямые рейсы из Узбекистана в настоящее время принимают авиагавани не только Москвы, но и Владивостока, Воронежа, Екатеринбурга, Иркутска, Казани, Краснодара, Красноярска, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Самары, С.-Петербурга, Сочи, Уфы и Челябинска.

Библиография:

1. Безруков Л. А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. № 4. С. 5–14.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 256 с.
3. Бордачёв Т. Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. С. 14–21. [Электронное издание]: URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754> (дата обращения: 12.01.2020).
4. Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Трейвиш А. И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. М., 2003. Сер. 53Р Научные Труды. 61 с.
5. Вишневский А. Г. Россия: демографические вызовы ближайших десятилетий // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2013. Т. 18. № 1. С. 35–41.
6. Вишневский А. Г. Великая малонаселённая держава // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 6. С. 30–49.
7. Дадабаева З. А., Кузьмина Е. М. Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014. 56 с.
8. Дружинин А. Г. «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России: (аналитика и комментарии к итогам всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.) // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013, № 2 (7). С. 3–15.
9. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географо-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
10. Зайончковская Ж. А. Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: Экономика и Социология. 2012. № 3 (75). С. 3–18.
11. Казанцев А. А. Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе // Полис. Политические исследования. 2005. № 2. С. 78–88.

12. Караганов С. А. Россия — возвращение домой (вместо предисловия) // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. 376 с.
13. Клупт М. А. Сдвиги в географической структуре мирового производства и международные миграции // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. № 5. С. 1–9.
14. Малышева Д. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 101–108.
15. Манаков А. Г. Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в начале XX — начале XXI в. // Географический вестник. 2019. № 2 (49). С. 13–24.
16. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т. Г. Нефедова, К. В. Аверкиева, А. Г. Махрова. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
17. Морозов Ю. В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. М. 2016. 178 с.
18. Письменная Е. Е., Рязанцев С. В., Тикунов В. С. Географические особенности трудовой миграции в контексте евразийской интеграции // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 5. С. 42–52.
19. Рязанцев С. В., Красинец Е. С. Современные тенденции и экономические эффекты трудовой миграции из Центральной Азии в Россию // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2016. № 5. С. 5–14.
20. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Трудовые иммиграции в России: динамика и возможные последствия // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 1 (123). С. 91–100.
21. Стрелецкий В. Н. Этнические общности в геокультурном пространстве России (Историческая динамика и региональная структура) // Вестник исторической географии, № 1. Смоленск. Изд-во СГУ, 1999. С. 31–53.
22. Стрелецкий В. Н. Сдвиги в этническом расселении России в конце XX — начале XXI веков // Южно-российский форум. 2011. № 1 (2). С. 51–72.
23. Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 1994, 576 с.
24. Ткаченко А. А. Иммиграция в Россию: новые тенденции XXI века // Мир новой экономики. 2014. № 3. С. 32–40.
25. Чеховских Т. Д. Миграция населения стран Центральной Азии в Россию: проблемы и пути решения // Международный научно-исследовательский журнал.

2019. № 4–2 (82). С. 128–132.

26. Яковец А. В., Растворцев Е. Е. Большая Евразия: стратегия партнёрства цивилизаций и объединений. Научный доклад. М.: МИСК, 2017. 63 с.

27. Eder T. S. China-Russia Relations in Central Asia // Energy Policy, Beijing's New Assertiveness and 21st Century Geopolitics. 2014. 89 (2). P. 287–294.

28. Mohaparta A. K. Tukey's quest for regional role in Central Asia // International Studies. 2018. 38 (1). P. 29–52.

29. Pabst A. Central Eurasia in the emerging global balance of power // American Foreign Policy Interests. 2009. 31(3). P. 166–176.

30. Radnitz S. Between Russia and a Hard Place: Great Power Grievances and Central Asian // Ambivalence Europe-Asia Studies. 2018. 70 (10). P. 1597–1611.

31. Svanstom N. Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics: Rivalry or Partnership for China, Russia and Central Asia? 2012. 248 p.

“Migration determinant” and spatial features of the forming diasporas of the leading Central Asian ethnic groups in modern Russia

Alexander Druzhinin

South Federal University

Immanuel Kant Baltic Federal University

Institute of Geography by RAS

Russian Federation, Rostov-on-Don; Russian Federation, Kaliningrad; Russian Federation, Moscow

Abstract

The issues of sustainable demographic dynamics are particularly relevant in modern Russia. Among them, migration issues occupy a key place, including such priority aspects as analysing the most important factors and directions of migration flows, their ethnic structure, as well as the impact of migration on ethnodemographic and ethnocultural changes in Russian regions. During whole post-Soviet period the bulk of the migration growth of the population of Russia was providing by the Central Asian States. Since the mid-2000's this process has been accompanied by a rooting and growth of diasporas of the leading Central Asian ethnic groups: primarily representatives of the Uzbek, Kyrgyz and Tajik nationalities, localized on the territory of the Russian Federation. The article focuses on geoeconomic factors of immigration to Russia, analyses its dynamics, and identifies the ‘Central Asian component’. Special attention is paid to the identification of spatial features of the forming diasporas of the Central Asian peoples (with maximum detail for the most numerous ethnic community of the Central Asian macro-region which is the Uzbek ethnic group). The analysis is based on data from the all-Russian population censuses of 1989, 2002 and 2010. The study shows that against the background of almost universal growth of the Uzbek diaspora, the most attractive areas for immigrants are economically highly developed territories — the capital regions and their nearest periphery, as well as the Khanty-Mansi Autonomous District, the Novosibirsk region, the Primorsky region, and others.

Keywords: ethnic migration, ethnic diasporas, demographic dynamics, ethnic-demographic structure, regions, Russia, post-Soviet period, Central Asia, Greater Eurasia

Publication date: 17.06.2020

Citation link:

Druzhinin A. “Migration determinant” and spatial features of the forming diasporas of the leading Central Asian ethnic groups in modern Russia // Pskov Journal of Regional Studies – 2020. – No2 (42) C. 42-54 [Electronic resource]. URL:

<https://prj.pskgu.ru/S221979310008579-9-1> (circulation date: 03.07.2024). DOI:
10.37490/S221979310008579-9

Код пользователя: 0; Дата выгрузки: 03.07.2024; URL - <http://ras.jes.su/region/s221979310008579-9-1> Все права защищены.